

УДК 392

ББК 63.521(=642)-7

«Духарьян» — ритуал обмена чашей с вином у бурят Предбайкалья

Г. В. Махачкеева

Восточно-Сибирский государственный институт культуры (Улан-Удэ, Россия)

Dukharyan — the Ritual of a Wine Cup Exchange of the Buryats of the Baikal Region

G.V. Makhachkeeva

East-Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russia)

Рассматривается не исследованная ранее в бурятоведческой литературе питейная традиция, связанная с ритуалом обмена чашей с вином под названием *духарьян* у бурят, населяющих западное побережье Байкала и называемых предбайкальскими, или западными, в отличие от бурят за Байкалом, которых называют забайкальскими, или восточными. По мнению автора, культура винопития (молочных алкогольных напитков) существовала у бурят Предбайкалья с древних времен. Она занимала особое место в обрядовой практике, играла важную роль в социализации индивида и представляла собой целостную систему ритуалов, церемоний, этикета, запретов *сээр*, застольных песен *архиин дуун* со специальными персонажами, наделенными контролирующими функциями.

Данный ритуал, основанный на мифологических воззрениях, строго регламентировал потребление спиртного, тем самым ограждая социум от возникновения алкогольных проблем и обеспечивая упорядоченность его жизнедеятельности. Следует вывод о том, что возникновение этой уникальной и самобытной традиции обусловлено географическим фактором и особенностями мифоритуальной картины мира предбайкальских бурят.

Ключевые слова: буряты Предбайкалья, традиция, ритуал, молочное вино, чарка, культура, миф, песня, образ жизни.

DOI 10.14258/izvasu(2017)5-25

Питейные традиции народов, сформировавшиеся под влиянием особенностей климата, национальной культуры, государственной политики, представляют большой интерес для изучения. В отечественной науке эта тема стала рассматриваться исследователями разных направлений относительно недавно. Одним из первых стал И. Г. Прыжов (1913 г.), доказавший исторический характер форм потребления алкоголя [1]. В Сибири же

The present article considers the *Dukharyan* drinking tradition which has not been previously researched in the Buryat ethnographical literature.

The tradition involving the exchange of the bowl of wine in the Buryat culture was popular among the Western Buryats of the western coast of Baikal and the Eastern Buryats of the Transbaikalia. The author assumes that wine drinking culture has existed among the Buryat people of the Baikal region since ancient times.

It took a special place in the rite practice, played a great role in the socialization of the person and presented the complete system of rites, ceremonies and etiquette functions, prohibitions, drinking songs with special characters endowed with controlling functions. This ritual, based on mythological views, strictly regulated the consumption of alcohol, protecting the society from the problems of alcohol consumption and ensured the orderliness of its life. The conclusion is made that appearance of the tradition is determined by the geographical factor and characteristics of the mythological worldview of the Buryat people of the Baikal region.

Key words: Buryat people of the Baikal region, tradition, ritual, milk wine, cup, culture, myth, song, lifestyle.

в XVII в. описывали обряды с употреблением спиртного путешественники И. Гмелин, П. Паллас, И. Георги [2]. В этнографической литературе ритуал *духарьян* и технологию изготовления молочной водки у бурят Предбайкалья описывает М. В. Хангалов [3]. Также о бурятских питейных традициях упоминает К. В. Вяткина [4].

Данная же работа вызвана необходимостью исследования древнейшего ритуала монгольского мира —

обмена чашей с вином. На протяжении столетий этот обычай трансформировался и сегодня у бурят интерпретируется по-разному. Об этом свидетельствуют отзывы в социальных сетях и СМИ, из которых можно сделать вывод, что в современном бурятском обществе сложились ложные представления о ритуале. На наш взгляд, на формирование негативного стереотипа повлияло отсутствие информации, раскрывающей истинную суть древней традиции. В связи с этим возникла необходимость детально описать обычай, выявить причины его возникновения, роль и место в обрядовой культуре бурят.

Уже писали о том, что буряты сохранили наиболее архаичные застольные ритуалы [5]. Широко известна история с отравлением Есугей багатура — отца Чингисхана, когда на стоянке в степи его отравили татары, а через три дня он умер. Именно боязнь быть отравленным стала катализатором установления правил обмена чашами с алкоголем на пирах у центральноазиатских кочевников. В полной мере эти правила сохранились у бурят, проживающих в Предбайкалье (Иркутская область), так называемых западных бурят, и в каждой локальной группе называются по-разному — *духарьян*, *андалдан* (обмен), *хуби андалдан* (обмен частью вина). Наиболее известен в бурятском обществе термин «духарьян». Согласно Бурятско-русскому словарю он означает: «*духарьялха* наливать чарку и подавать ее; *духарья(н)* чарка; *духарьягаа андалдаад ууха* пить, обмениваясь чарками; *амаршалгын духарья* здравица (букв. приветственная чарка)» [6, с. 207]. Здесь надо отметить, что напитком для *духарьяна* является молочная водка, которая называется *тарасун*, или *тогооной архи*. Согласно Бурятско-русскому словарю: *тарасун* молочная водка (обл.) [6, с. 13]. Последнее сокращение означает *областное выражение*. Термин *тогооной* возник от названия котла (*тогоон*), в котором перегоняется водка.

Тарасун, или *тогооной архи* — это национальный алкогольный напиток из коровьего молока, получаемый с помощью кисломолочного продукта — *хурэнгэ*, который «в своем составе имел особый бродильный грибок. Он являлся общеродовым почитаемым напитком. Его, как огонь, нельзя было передавать в чужой род. Домой *хурэнгэ* могли брать только у своего родича» [7, с. 52]. Известны пять стадий перегонки молочной водки — *архи*, *арза*, *хорзо*, *шарза*, *дунза* — шкала крепости возрастает от 9 до 50 градусов. В прошлом буряты знали девять стадий. Об этом писал Ц. Жамцарано в заметке о тайлагане в улусе Ользоны Верхоленского уезда: «Арака была 9 перегонов (*юһэн тогоонэй*)» [8, с. 329]. Но обычно останавливались после первой перегонки — на *архи*, которое можно классифицировать как молочное вино, дальше перегонку могли себе позволить только очень зажиточные люди.

«Изготовление *тарасуна*, видимо, было вызвано объективными условиями кочевой жизни монголо-бу-

рят. Продукты скотоводства в летнее время подвергались скорой порче, а с наступлением зимы возникали трудности с питанием. Забота о сохранении молочных продуктов и привела к необходимости приготовления особого рода молочного продукта «*аарса*», получаемого путем перегонки молока. *Аарса* в сушеном виде долго сохранялась и легко перевозилась в кожаных «*уутах*» (вьючниках) во время кочевок» [9, с. 119]. Из нее круглый год готовили разные напитки, и холодные, незаменимые летом, и горячие в холодное время года, но «зимой она пользовалась большим спросом. *Аарса* была питательной, вкусной, обладала согревающим свойством» [10, с. 76]. Кроме того, *аарса* использовалась при выделке кож. В Предбайкалье Иркутской губернии семья среднего достатка на зиму заготавливала около 30–40 ведер *аарсы*. Это было возможным потому, что для региона «характерны более благоприятные условия для разведения КРС (менее засушливый климат, отсюда обилие травостоя, более урожайные пастбища и луга)» [11, с. 30]. Благоприятный же климат поспособствовал тому, что «переход кочевых хозяйств к полуседлым и оседлым формам завершился у бурят Иркутской губернии в основном к середине 19 века» [11, с. 19].

Возможно, этот процесс произошел значительно раньше. Об этом в 1692 г. свидетельствовал датский путешественник Э. Идес, писавший о том, что западные буряты к концу XVII в. зимой жили в деревянных домах, что, несомненно, является свидетельством оседлости. Думается, этот фактор сыграл решающую роль в формировании образа жизни, так как именно оседлость предрасполагала к общению и совместному досугу, которые и привели со временем к окончательному закреплению элементов культуры кочевников и возникновению на их основе традиций. В суровых сибирских условиях, при отсутствии в то время общественных мест, такое общение происходило в жилищах, часто — за столом. На наш взгляд, только так можно объяснить факт сохранения ритуала обмена чашей с вином и его дальнейшей эволюции у западных бурят.

Необходимо отметить, что и трудоемкая, а также материалозатратная технология производства, и сама культура употребления молочной водки, формировавшаяся веками, не способствовали спаиванию народа. Издревле это был прежде всего ритуальный напиток.

К тому же у древних монголов существовали разного рода антиалкогольные ограничения: до сорока лет нельзя было даже подносить водку ко рту, а садиться с молодыми людьми за один стол и предлагать им водку было невозможно. Человек, перебравший спиртного, не должен был в таком виде появляться в обществе, которое не поощряло обильных возлияний. «А если случалось, что молодой муж выпил, ему не разрешалось целый год подходить к жене. Вот как наши предки заботились о здоровье своих будущих потомков» [9, с. 127]. Эти сложившиеся стере-

отипы и низкая крепость *тогооной архи*, долгие ритуалы-*духарьяны* с благопожеланиями (*юроолами*) и неизменными застольными песнями (*архиин дуун*) сформировали у бурят Предбайкалья особую культуру питания. Вот как об этом рассказывает уроженец с. Аларь Аларского района Р. Д. Дамбинов: «Застолье у аларцев было прежде всего песенным, с определенным строгим протоколом *духарьяна*, за соблюдением которого следил специальный человек — *хабааша* (распорядитель вечера). Это должен был быть знаток традиций, *томоотой хун* (рассудительный, серьезный человек), *эхэлэг* (уважаемый в селении). С его мнением считались, ему подчинялись, вошедшие в первую очередь здоровались с ним, даже если присутствовали люди постарше. Распоряжаясь одной рюмкой, *хабааша* руководил застольем. В начале вечера хозяин дома преподносил ему бутылку *тарасуна* с чаркой, таким образом передавая право распоряжаться застольем. Правой рукой *хабааша* принимал бутылку. Здесь надо отметить, что в бурят-монгольском мире правая рука считается рукой благодати (*хэшигтэй гар*), ею делаются все важные дела, например, вручаются и принимаются подарки и т.д. Раньше это правило соблюдалось неукоснительно, поскольку подношение левой рукой расценивали как высокомерный жест, желание унижить, поэтому принимающая сторона на законных основаниях могла себе позволить оттолкнуть или кинуть обратно подарок (*урдаан шудэхэ*).

Далее *хабааша* переключал бутылку в левую руку, освободившейся правой принимал чарку. Затем открывал бутылку, наливал *хабын дээжэ* (согласно словарю: *хаба* 1. жбан; посуда; 2. *хабын дээжэ* (зап.) первая почетная чара молочной водки) и передавал хозяину дома [6, с. 660]. По древнему обычаю хозяин дома сначала угощает огонь (*галда мэдуулхэ*). Снова рюмку наполняют и подают хозяину, тот предварительно должен капнуть (*дунааха*) на стол, тем самым воздав духам, может выпить или пригубить и возвращает рюмку. Дальше, если есть гости, *духарьяа* должны преподнести им, т.е. таким образом проявить к ним внимание и уважение. Но если присутствуют старшие, надо было соблюсти приличия и по отношению к ним. Поэтому *хабааша* подавал чарку присутствующему старейшине (*эхэ убгэн*) или обращался к нему с вопросом: *Алай эжин, хэндэ барьха гэжэ хэлхэд?* (досл.: Старейшина села, кому преподнести, скажите?). Ответ был заранее известен: гостям. Только после гостей наступал черед местных. Независимо от числа присутствующих (могло быть и до 50–100 человек) каждому преподносилась именная (*нэрлээтэ*) чарка, никто не должен был почувствовать себя обделенным»*.

Незыблемое правило застолья: обмен чарками сопровождался песнями. Песни всегда слушали очень внимательно, так как это были сплошные импровизации. В песнях шутили, незлобно поддевали друг дру-

га, на ходу сочиняя новые слова или переделывая старые. «При этом каждый певец, создавая свой вариант текста, обязательно сохраняет общую схему напева, интонации, ритмики» [12]. По мнению исследователя Г. Д. Фроловой, «за время бытования сформировался особый поэтический словарь, словосочетания и определения, типичные для застольных песен» [13, с. 21]. Все было основано на уважении: уважении к старшим, уважении к гостям. По словам жительницы с. Кукунур Аларского района Е. И. Хинхасовой, «раньше буряты пели все. На вечеринках больше пели, чем разговаривали. Про тех, кто не пел, говорили, что у них рот только для того, чтобы пить *аарсу*. Если начинались песенные состязания (*мунгаалдаха*), то могли состязаться до утра. Поют всегда стоя»**. «У западных бурят застольные песни исполняются часто в положении «стоя» и сопровождаются характерными танцевальными движениями рук, корпуса и ритмическим прихлопыванием» [14, с. 8].

Эти песни известны как *архиин дуун* (застольные песни). Их устойчивость, на наш взгляд, можно объяснить тем, что они всегда зарождались и исполнялись в коллективе, что способствовало их быстрому распространению.

Строгий протокол *духарьяна* соблюдается и при преподнесении *нэрлээтэ архи* — именной бутылки *зорииг*, которая тоже является прежде всего проявлением внимания и уважения. Вероятно, особую почитаемость такого подарка можно объяснить тем, что *тогооной архи* вообще считалось ценным (*тоотой* — досл.: уважаемый) напитком, поскольку, во-первых, его основа — молочная пища, для обозначения которой имеется термин *сагаан эдээн* (белая пища) — самый сакральный продукт у бурят. Во-вторых, давался напиток нелегко — в его изготовление вкладывался большой труд и умение. Поэтому до сих пор у людей старшего поколения бытует мнение, что не уважили, если не преподнесли *зорииг*.

Вот как описывает этот ритуал уроженка Аларского района О. А. Байронова: «Когда хозяин, оказывая особое уважение, со словами «*танда зорииг барихам*» вручает гостю именную, т.е. специально для него предназначенную, бутылку (подается вместе с чаркой), начало ритуала проходит в порядке, описанном выше: гость принимает дар, хозяин угощает огонь и возвращает чарку. Гость, наполнив рюмку, со словами благодарности за оказанную честь подает хозяину дома. Хозяин, капнув на стол, пригубив или выпив, возвращает гостю. Гость (все это время он стоит) наполняет рюмку и снова протягивает хозяину. Хозяин (не капая) с благопожеланиями на сей раз угощает самого гостя, тот может выпить, а может, обращаясь к хозяину, сказать, что «в этом доме есть хозяйка, я бы хотел угостить ее» (*ханидытнай*). Теперь процедура обмена чаши с вином происходит с хозяйкой

* Полевые материалы автора, 2016 г.

** Полевые материалы автора, 2015 г.

дома — такая часть ритуала, когда в обмен чарками между двумя лицами по приглашению одного из них вовлекается третий, называется *түхэрео*. Далее гость может свою именную бутылку разливать сам, обмениваясь, всем присутствующим или попросить кого-то делать это за него, т.е. передать свое право (*зараха* — досл.: использовать для услуг). Бутылку ему возвращают не совсем пустую. Гость наливает последнюю чарку хозяину и говорит, что его *зоршиг* все попробовали, и еще раз благодарит за оказанную ему в этом доме честь.

Если же гость преподносит в знак уважения хозяину дома *зоршиг*, то всю процедуру разлива и раздачи должен проводить хозяин. И, соответственно, последняя чарка из этой бутылки преподносится тому, чья бутылка, т.е. гостю.

Зоршиг могут вручить сразу многим гостям, тогда каждый принявший дар имеет право поступить по своему: или поделиться со всеми, а в конце обязательно угостить хозяина и сказать, что его *зоршиг* попробовали все, или увезти подарок домой.

Именные бутылки вручаются и в других случаях: если на праздничное мероприятие не смог приехать кто-то (из числа старших или других особо почитаемых людей), то в знак почтения с его родственниками отправляется *зоршиг*; если на какое-то событие дарят домашнее животное — *дурбэн хуул*, (досл.: четыре ноги). У аларских бурят принято дарить домашних животных, например, поросенка, овечку (*гахай зааха*, *хониин зааха*) или взрослых животных. Иногда приходится ждать несколько лет, пока животное вырастет. За подарком едут, прихватив *зоршиг* для хозяев. И также проводят ритуал *духарьян*, угощают хозяина огня, благодарят хозяев дома. В данном случае этим ритуалом просят разрешения увести живность со двора*.

Есть в *духарьяне* еще несколько правил: в ходе застолья любой участник, принявший *духарья*, может эту чарку в знак особого расположения передать тому гостю, кто ему понравился, или тем, кто имеет отношение к этому гостю, например, родственнику или попутчику этого гостя; женщины в ритуале не имеют права разливать, если за столом есть лица мужского пола; право передачи *духарьяна*, т.е. *зараха* (в данном случае досл.: использовать для услуг), имеют те, кто по уважительной причине (например, по состоянию здоровья) не может принимать подношение; пить никого не заставляют. Если в действие вступают особо настойчивые лица (их уговоры называются *баалаха*), то против их настойчивости существует действенное слово *хабара* (досл.: по возможности), после произнесения которого никто никого выпить не заставляет. На уговоры обычно поддаются люди, не знающие правил; *духарья* подают и принимают стоя; чарка всегда находится в правой руке, бутылка — в левой; пустую бутылку нельзя ставить на пол, так как у западных бурят это считается похоронным правилом.

* Полевые материалы автора, 2016 г.

Как видно из данного описания, употребить как можно больше алкоголя невозможно, потому что это было неосуществимо: во-первых, *духарьян* — процесс долгий и сложный, во-вторых, *тогооной архи* — напиток легкий и не крепкий, в-третьих, за столом царил строгий порядок, всегда присутствовал *хабашиа*, который частично регламентировал поведение выпивших. Таким образом, мы видим, что была создана особая культура винопития со сложной церемонией, персонажами, готовящими проведение ритуала и наблюдающими за его ходом.

«В наше время, *духарьян* забывается уже сам собой, поскольку молодежь повсеместно переходит на современные формы времяпрепровождения с питием: ночные клубы, рестораны, бары, фуршеты и банкеты. Сейчас буряты в Иркутской области спрашивают: «Как будем пить? По-русски или по-бурятски?». Если по-русски (*мангашалха*), то всем ставят рюмки. А если *духарьян*, то следует обмен вином из одной рюмки» [1, с. 127]. Вплоть до последнего времени *духарьян* являлся неотъемлемой частью любого действия, в котором присутствовали алкогольные напитки. По мнению того же Р. Д. Дамбинова, ассимиляция родного языка ведет к постепенному исчезновению ритуала, например, этому немало способствует незнание *архиин дуун* (застольной песни), так как у этого важного компонента *духарьяна* есть одна особенность: если *духарья* (чарка) подается с песней, ответный *духарья* тоже должен быть с песней. Но надо признать, что остальные составляющие ритуала все еще соблюдаются, так как способствуют развитию общения между людьми, налаживанию контактов и установлению более доверительных отношений. По нашим наблюдениям, и по сей день *духарьян* у западных бурят, несмотря на некоторую трансформацию, — это культовый обряд.

Таким образом, можно сделать вывод, что архаичный обычай кочевников со временем трансформировался именно в ритуал проявления уважения. Его закреплению в Предбайкалье способствовал оседлый образ жизни, обусловленный типом хозяйствования, позволявшим заготавливать запасы ценного молочного продукта *аарсы*. Вероятно, при этом справедливо возникал вопрос дальнейшего использования полученного в этом процессе большого объема молочной водки. Даже учитывая тот факт, что львиная доля уходила на шаманские молебны, всегда активно практиковавшиеся у западных бурят, оставалось немалое количество *тарасуна*, о чем свидетельствуют объемы заготовленной *аарсы*. И здесь можно смело предположить, что, поскольку экономические предпосылки были созданы, появился ритуал как закономерность, позволявшая целесообразно использовать ценный продукт и в то же время выполнявшая охранительную функцию. Это проявляется во множестве правил и запретов (*сээр*), которыми пронизан ритуал. Неукоснительное его исполнение объясняется мифологическим мировоззрением, так как предбайкальские

буряты по своим традиционным верованиям и обрядам были и остались шаманистами. Как известно из филологических воззрений, для мифологического сознания главным является вера в излагаемые факты, поэтому иные мнения и толкования не допускаются. Традиционное общество осознавало, что для упорядочивания жизни спасение могло быть только в одном — создании системы табу через организацию ритуалов и обрядов.

Подытоживая вышесказанное, можно утверждать, что в создавшихся исторических условиях именно природно-климатические особенности и мифологическое мировоззрение предбайкальских бурят задали систему координат, определили их жизненные позиции и ценностные ориентиры, обусловившие возникновение культовых ритуалов и обрядов, сформировавших уникальную самобытную культуру.

Библиографический список

1. Прыжов И. Г. История царевых кабаков. — 2-е изд. — Казань, 1914.
2. Гирченко В. П. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах. — Улан-Удэ, 1939.
3. Хангалов М. В. Собрание сочинений. — Улан-Удэ, 2004.
4. Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят. — Л., 1965.
5. Махачкеев А. В. Бурятские бренды в глобальном мире. — Улан-Удэ, 2016.
6. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. — М., 1973.
7. Егунов Н. П. Бурятия до присоединения к России. — Улан-Удэ, 1990.
8. Жамцарано Ц. Путевые дневники: 1903–1907. — Улан-Удэ, 2001.
9. Дырхеев П. С. Верхоленские буряты. — Улан-Удэ, 2011.
10. Галданова Г. Р. Закаменские буряты. — Новосибирск, 1992.
11. Батуева И. Б. Традиции скотоводческой культуры в XIX — начале XX века. — Улан-Удэ, 2013.
12. Танганова Т. С. Певческие традиции западных бурят: эхиритов и булагатов (опыт историко-искусствоведческого исследования) : дис. ... канд. искусствоведения. — Улан-Удэ, 2006.
13. Фролова Г. Д. Бурятские народные песни. Песни хонгодоров. — Улан-Удэ, 2002.
14. Гергесова Т. Е. Бурятские народные танцы. — Улан-Удэ, 2002.